

Ранее она воочию видела, как Цай Сяовэнь появилась на ночном рынке в южной части города, и поспешила в погоню. Но Цай Сяовэнь оказалась проворнее: когда Су Ю добежала до перекрестка, той и след простыл. Су Ю никак не могла взять в толк, зачем Цай Сяовэнь понадобилось глубокой ночью разгуливать по южному городу с оружием. В смятении хмель выветрился наполовину, а остатки разума заполнили тревожные мысли. Охваченная беспокойством, она поспешила к дому Цай Сяовэнь. Ей хотелось войти и выяснить, то ли ей померещилось, то ли подруги действительно нет дома, но весомого повода стучаться в дверь среди ночи не нашлось. Пришлось затаиться у входа в надежде дожидаться возвращения Цай Сяовэнь. Однако прошел час, а мимо не прошел ни один человек.

Не дождавшись подругу, Су Ю решила, что просто перебрала с вином и ей привиделось, а Цай Сяовэнь все это время была дома. От этой мысли на душе стало легче, и она ничуть не рассердилась на то, что зря продрогла на холоде. Завывал ледяной ветер, и Су Ю, окончательно окоченев, уже не могла стоять. В последний раз она привстала на цыпочки, вглядываясь вглубь переулка, затем плотнее закуталась в меховой воротник и побрела домой. Кто бы мог подумать, что не прошло и десяти минут после ее ухода, как Цай Сяовэнь, сияя от удовольствия, вбежала в переулок и, прижимаясь к стене, проскользнула в дом.

Мастер Цай и Таньюань уже спали. Цай Сяовэнь на цыпочках принесла из кухни горячей воды, вернулась в свою спальню, вылила ее в деревянный таз, скинула обувь с носками и опустила ноги в воду. От воды валил густой пар, и от жара плечи Цай Сяовэнь невольно вздрогнули.

— Фух... Стоило того! В такие моменты нет ничего лучше, чем попарить ноги...

Подъемы стоп мгновенно покраснели, и от приятного покалывания мысли Цай Сяовэнь начали путаться. А как только они расплылись, она вспомнила о сегодняшнем происшествии, и выражение ее лица стало серьезным. Она знала лучше кого бы то ни было: квадратный ковш Су Ю превосходит ее собственный, круглый. Но почему Су Ю сбежала с поле боя — этого она понять не могла. Цай Сяовэнь потерла ступни друг о друга и тяжело вздохнула. Тот круглый ковш она лепила с великим тщанием, надеясь потягаться с Су Ю, но финал оказался таким разочаровывающим. Уж лучше бы она проиграла в честном поединке. Ей нестерпимо хотелось схватить Су Ю за плечи и спросить, что же та на самом деле задумала.

Цай Сяовэнь подняла ноги, дождалась, пока стекут капли, и, запрокинув голову, пробормотала:

— Я ведь тоже хочу быть первой в гончарном деле... Я тоже хочу, чтобы меня выбирали чиновники... — Следуя за этой нитью мыслей, она вспомнила холодность Су Ю, и обида с гневом закипели в ней с новой силой. Она схватила с полки белое полотенце и, остервенело вытирая ноги, проворчала: — Су Ю-Помело! Терпеть тебя не могу! Раз ты меня игнорируешь, я тоже буду! Хм!

Цай Сяовэнь считала себя человеком боевых искусств. Обычно она вставала рано, чтобы тренироваться. Но бывали и исключения: например, вчера она исполнила танец с веером школы Эмэй, накрыла стол с вином и закусками, поучаствовала в состязании гончаров, а еще

— пыталась разгадать мысли одного человека. Поэтому, когда она глубокой ночью рухнула на кровать, стоило ее голове коснуться подушки, как она провалилась в сон. Проспав до полудня, она лишь с неохотой вылезла из постели. Раз в месяц она могла себе позволить проснуться поздно, и Цай Сяовэнь легко себя за это прощала. Увидев за окном ослепительно золотистый двор, она поняла, что выдался редкий солнечный день, и решила устроить себе выходной. Никакого гончарства, никаких книг — только праздные прогулки. Предвкушая легкий день, Цай Сяовэнь пришла в восторг. Она спрыгнула с кровати, умылась, оделась и попрощалась с Таньюань.

Услышав, что та собирается бродить по рынку, Таньюань поспешно схватила большой платок и насыпала в него горсть зимних фиников из корзины, стоявшей во дворе. Завязав тугой узел, она прикрепила платок к поясу Цай Сяовэнь и сказала:

— Это зимние финики из Шаньдуна, купили вчера на храмовой ярмарке. Возьми, погрызешь, если станет скучно. Они дорогие, не выбрасывай, если не доешь. Я буду дома стирать, обед на тебя готовить не стану.

— Угу, сама как-нибудь перекушу! — Цай Сяовэнь, заложив руки за спину, словно маленькая старушка, покачивая головой, вышла за ворота.

Солнце и правда пригревало, разливая по телу приятное тепло. Цай Сяовэнь замедлила шаг, прищурилась и, подняв голову, наслаждалась погодой. День выдался погожий, к тому же близился полдень, и на рынке было полно народу. Лавки по обе стороны улицы начали свою суету. Где-то летела мука, где-то клубился пар над огромными котлами, пароварками или глиняными горшками. Цай Сяовэнь не заметила, как дошла до Улицы чайных супов, где в воздухе смешались всевозможные ароматы.

— М-м! Как говорится, не заглянешь на Улицу чайных супов — пропустишь аппетит. А вторая часть... какая же вторая часть... — Цай Сяовэнь весело оглядывалась по сторонам, сочиняя продолжение для своей выдуманной поговорки. Эта улица имела богатую историю и была знаменита на весь город Юйфэн. От начала до конца здесь торговали всевозможными яствами. Вот булочки Мэйхуа из ресторана Ваньлоу с девятнадцатью защипами — начинка из мяса такая нежная и сочная. А вот лепешки с ослиатиной от семейства Цзинь: плотное мясо, фирменный соус старой лавки — один укус, и рот наполняется ароматом. В лавке тетушки У продавали ароматные и сладкие паровые булочки на закваске, которые отлично подходили к обеду. У тетушки Юнь в лавке готовили рыбу на пару — такую сладкую и нежную, что ни одной косточки не найти. А еще та крошечная лавка с супами в глиняных горшочках: супруги-владельцы приехали из Цзянси за тысячи ли и, говорят, привезли с собой пять огромных горшков в человеческий рост и десятки маленьких. Каждый день они варили десятки видов супов: с редькой и ребрышками, с горохом и свининой, с голубем и грибами, с уткой и ягодами годжи, и самый простой, но оттого не менее вкусный суп с мясными лепешками... Цай Сяовэнь пребывала в блаженстве, достала из платка финик и закинула в рот для пущего удовольствия.

— М-м! И правда вкусно... ароматно, сладко и хрустит! — Цай Сяовэнь вошла во вкус, и не успела оглянуться, как десяток фиников исчез. Пожалев съесть все сразу, она снова завязала платок и побрела дальше.

Миновав Улицу чайных супов и еще несколько переулков, она вдалеке увидела вывеску своей гончарной лавки. Подойдя ближе, она заметила, что внутри творится невообразимая суеда: приехали торговцы из других мест и скупали керамику семейства Цай. Цай Сяовэнь не знала об этом и, стоя у входа, не знала, что делать. Она никогда не вникала в дела лавки, а сегодня просто от нечего делать решила заглянуть, посмотреть, как идут дела с новыми изделиями из большой печи. Но видя, что работники снуют туда-сюда, не зная покоя, она подумала, что лишь помешает, и решила не показываться. Поэтому она нашла поблизости закусочную и заказала миску вонтонов в курином бульоне.

Бульон варили всю ночь, он был наваристым, с золотистыми капельками жира. Вонтоны — маленькие, с тонким тестом, начинкой из свинины и креветок. Сверху — ложка зеленого лука, ложка кинзы, которые от жара источали дивный аромат. Цай Сяовэнь сама плеснула немного уксуса, перемешала и с аппетитом отхлебнула вместе с вонтоном.

— М-м... Ой, горячо! — Цай Сяовэнь проглотила вонтон, почти не почувствовав вкуса. Второй она уже не рискнула есть так поспешно, зачерпнула ложкой и стала аккуратно дуть. Просто дуть было скучно, она вертелась на табуретке, оглядываясь по сторонам, и вдруг заметила, что две лавки по соседству, торгующие бараниной, ссорятся.

Посмотреть на перепалку во время еды — для Цай Сяовэнь было пределом мечтаний. Она вытянула шею, прислушиваясь, и вскоре поняла суть конфликта. Старая лавка на этой стороне улицы обвиняла новую, открывшуюся напротив, в краже секретного рецепта варки баранины. Новички же оправдывались: мол, с древних времен перенятое мастерство не считается кражей — они не подкупали поваров и не взламывали сундуки, а просто подобрали остатки бульона, которые те не до конца вылили, и по ним догадались, как варить суп. Разве это воровство?

Старая лавка парировала: раз уж украли мастерство, так и открывайтесь где-нибудь подальше, а не прямо напротив меня!

Новички лишь разводили руками: мол, на этой улице разрешено торговать всем...

Цай Сяовэнь усмехнулась, уткнулась в свою миску и подумала: если есть секрет, держи его при себе. Иначе потом и жаловаться некому. Все мы мастера, кто кого не знает... Стоп, кража мастерства? При этих словах она вдруг вспомнила, как на каменистом берегу пыталась вывести мастерство Су Ю, а та всего лишь жарила курицу... Она отложила ложку, приоткрыла рот и погрузилась в глубокие раздумья: Су Ю, победительница девяти уровней гончарного мастерства за три года. Стариков, что уже погасили свои печи, вроде отца или дядюшки, в расчет не берем. Но среди тех, кто еще работает, Су Ю — первая. Даже в создании изделий из цыша она имеет огромное преимущество. Вчерашний ковш — разве не благодаря ему чай стал ароматнее? У нее точно есть секрет! Может... может, мне сходить и подсмотреть... хоть разок... всего один разок...

Вот что бывает от безделья. Если бы Цай Сяовэнь была так же занята, как Су Ю, она бы не предавалась таким мыслям. Найдя для себя оправдание, что кража мастерства — это вовсе не кража, она бросила недоеденные вонтоны и, отложив ложку, решила действовать.

Сначала она прибежала к гончарной лавке Су. Не найдя Су Ю на месте, она спросила одного из работников и выяснила, что та дома. Цай Сяовэнь обрадовалась: обычно Су Ю занята делами лавки, а сегодня, раз она дома, значит, точно занимается гончарством!

Цай Сяовэнь решила, что сам Небо ей помогает. Она прокралась к дому Су, не подозревая, что та осталась дома лишь потому, что вчера слишком долго ждала ее на ветру и простудилась.

Цай Сяовэнь пулей примчалась домой, подняла Таньюань, которая усердно стирала одежду, пошептала с ней, и они вместе отправились к дому Су. Таньюань постучала, а сама Цай Сяовэнь спряталась неподалеку, не спуская глаз с ворот. Таньюань вошла, а вскоре вышла вместе с Фэнлин и они куда-то поспешили. Перед уходом Таньюань украдкой показала Цай Сяовэнь победный кулак. Та просияла: это означало, что Фэнлин еще не готовила обед. Прижавшись к стене, Цай Сяовэнь потирала руки, охваченная азартом, словно собиралась совершить нечто рискованное и чуточку хулиганское. В этом возбуждении все угрызения совести из-за кражи мастерства улетучились, она думала лишь о том, как пробраться в дом...

Прождав около часа, Цай Сяовэнь подозвала торговца, который неподалеку жарил на углях рыбу и лепешки, и дала ему несколько десятков монет, чтобы тот встал прямо у ворот Су. Сама же Цай Сяовэнь спряталась за каменным львом, выстраивая план: аромат углей силен, ветер обязательно донесет его до дома Су. Обед уже прошел, а Фэнлин не вернулась. Старшая сестра наверняка проголодалась, и, учуяв запах, не выдержит и выйдет купить поесть. Еще немного — и... почему она уже выходит?..

Она увидела, как Су Ю, закутанная в плотный халат с меховым воротником, толкнула ворота, слегка сгорбившись, сжала связку монет, кашлянула и направилась напрямик к торговцу. Цай Сяовэнь не стала медлить, выскользнула из-за льва и юркнула во двор. Быстро оглядевшись, она сразу заметила гончарный круг, глину и инструменты. Точно, собралась лепить! Обрадованная, она вскарабкалась на дерево в углу двора. Ствол был толстым, сидеть было удобно. Цай Сяовэнь обхватила его ногами, раздвинула ветки и сверху могла видеть каждое движение Су Ю.

Вскоре Су Ю вернулась с тремя рыбками и лепешкой. Цай Сяовэнь подумала: Ого, аппетит разыгрался. А я помню, что сестра ест совсем мало...

На самом деле это было не так уж много. Су Ю была занята весь день и привыкла плотно есть утром и вечером. В обед она ела мало, лишь бы не пропускать время приема пищи. Но сейчас время вышло, и Су Ю проголодалась, иначе не стала бы есть жареную рыбу, будучи больной.

Су Ю села на бамбуковый табурет, откусила большой кусок рыбы и, прожевав, с досадой пробормотала:

— Ни капли масла. — По сравнению с той рыбой, что готовила ей Цай Сяовэнь, эта была совсем не то. Не успев сделать второй укус, она вытерла нос платком и, усмехнувшись, пропела фальшивым голосом: — Сморкаюсь я, и слезы льются, в рыбе масла нет, лишь блюдаца...

Пф... Цай Сяовэнь на этот раз усвоила урок и зажала рот обеими руками, не давая смеху

вырваться наружу. Она вспомнила свою поговорку: не заглянешь на Улицу чайных супов — пропустишь аппетит, а хочешь повеселиться — иди к сестре.

Су Ю, вытирая нос, быстро разделалась с рыбой и лепешкой, а затем с тоской посмотрела на гончарный круг и слабо прошептала:

— Простудилась, а все равно надо лепить... Жизнь — сплошная печаль... Может, мне тоже взять ученика? Хотя помогал бы... Эх, лучше удочерю Сяовэнь!

...Цай Сяовэнь на дереве, услышав, что Су Ю простудилась, сначала испугалась, но после второй фразы ей захотелось спрыгнуть вниз и сразиться с ней...

Су Ю, продрогнув у дома Цай Сяовэнь, к ночи слегла с простудой. Сегодня, встав с постели, она почувствовала себя чуть лучше после лекарства, но нос все еще был заложен, а сил не было совсем. В лавку она не пошла, больше всего ей хотелось поспать весь день дома. Но партия керамики для молодого господина Чжоу требовала срочной сдачи, это был заказ для чиновников, и работники лавки не могли с ним справиться — приходилось делать самой.

К счастью, день был солнечный, и во дворе было тепло. Су Ю совсем не хотелось сидеть в холодном и темном гончарном цеху. Она взяла самую обычную глину, простейшие инструменты и вынесла круг во двор, решив сделать несколько простых заготовок. Она не знала, что на дереве в ее дворе притаился комарик, иначе бы она вела себя совсем иначе...

Подкрепившись, Су Ю, несмотря на усталость, приступила к работе. Положила глину на круг и раскрутила его. Цай Сяовэнь на дереве встрепелась, сильнее пригнув ветки, чтобы лучше видеть. Присмотревшись к цвету глины, она поняла, что это обычная желтая глина, никаких особых добавок. Немного разочаровавшись, она перевела взгляд на лицо Су Ю.

До этого Су Ю выглядела болезненной, но как только круг начал вращаться, она словно приняла чудодейственное лекарство. Не то чтобы она расцвела, но взгляд стал серьезным, а в выражении лица проступила сосредоточенность. Глина вращалась, Су Ю, намочив руки, легким движением придала ей форму, а затем, аккуратно выбрав середину, стала вытягивать края...

Так быстро! Цай Сяовэнь, не отрываясь, смотрела на Су Ю, поражаясь: сестра достигла такого мастерства?!

Она видела, что Су Ю делает простой ковш на высокой ножке, не требующий особых навыков. Но движения ее были уверенными и точными, почти без правок, все выглядело очень плавно и быстро. Цай Сяовэнь была вынуждена признать: Помело по праву занимает первое место. Такая скорость формовки... и результат превосходный. А выражение ее лица при работе — такая концентрация. Неужели это и есть один из ее секретов?

В этот момент Су Ю, глядя на полуготовую заготовку, внезапно улыбнулась и взяла бамбуковый нож, чтобы подровнять края. Цай Сяовэнь снова прониклась: она ведь и правда любит керамику... раз улыбается, глядя на глину... неужели эта любовь — тоже секрет?

Пока Цай Сяовэнь мысленно систематизировала «секреты», Су Ю даже не подозревала, что за ней наблюдают. Она была погружена в свои грезы. Простые ковши она лепила столько раз, что руки работали сами, и все ее мысли были далеко. В ее сердце шел снег...

Снежная ночь, ветер не сильный, лишь слегка косит снежинки. Мы с Цай Сяовэнь только что откуда-то вернулись и вместе идем домой по снегу. На улице ни души, лишь занесенные снегом дороги и тусклый свет луны. Она идет впереди, оставляя цепочку следов. Я иду следом, оставляя свои рядом с ее. Она одета легко, руки спрятаны в рукава, плечи подняты, шея втянута. Вдруг она оборачивается и смотрит на меня своей упрямой улыбкой.

— Сестра, тебе холодно?

Я киваю и ускоряю шаг, сокращая расстояние. Она сама дрожит, лицо покраснелось, а все равно беспокоится обо мне. Она вынимает правую руку из рукава и сжимает мою левую.

— Так лучше?

Я киваю. Ее рука очень горячая, и мне правда становится теплее.

Она с довольным видом, словно ее план сработал, тянет мою руку и прячет обе под полы своей одежды.

— Так точно не замерзнешь. Сестра...

— Зови меня Су Ю.

Она снова смотрит с недоумением:

— Но ведь ты моя старшая сестра.

— Тебе так важны эти звания? Тогда стань моей названной дочерью.

...Пф... Выражение лица Цай Сяовэнь, услышавшей эти слова, выходило за рамки воображения Су Ю. Ей пришлось вернуться в реальность, она взяла нож, чтобы подровнять ковш, и невольно улыбнулась: кто бы ни удочерил эту Сяовэнь, будет очень счастлив...

Вот так: сосредоточенность Су Ю и та улыбка не имели к гончарному делу никакого отношения, но Цай Сяовэнь истолковала их по-своему. Если бы та знала, что именно вызывает

у нее такое восхищение, она бы, наверное, захотела сразиться с Су Ю, а потом покончить с собой... К счастью, она продолжала пребывать в заблуждении.

Цай Сяовэнь наблюдала, как Су Ю закончила одну заготовку, положила в деревянный ящик и взяла новый кусок глины, повторяя те же движения. Просидев на дереве слишком долго, она затекла и попыталась сменить позу. Не успела она выпрямиться, как зацепилась лодыжкой за ветку, а листва рядом пощекотала нос.

— А... Апчхи! — Черт!

Хотя она успела зажать рот, звук все равно просочился... Она в панике прижалась к стволу, спрятав голову за листьями. Сердце бешено колотилось. Подождав немного и не услышав от Су Ю никакой реакции, она осторожно выглянула. И сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Где она?!

Не заботясь о шуме, она резко села и завертелась, оглядываясь по сторонам, но Су Ю нигде не было. Цай Сяовэнь замерла на ветке, охваченная паникой: неужели она меня заметила... или ушла по нужде? Что делать, если заметила? Это ведь незаконное проникновение! По законам династии Сун... забыла... но все равно преступление! Что делать, что делать... сбежать, пока она не вернулась? Цай Сяовэнь вдруг испугалась последствий своего поступка. Пока она колебалась, Су Ю, прячась за углом мастерской, отчетливо видела, как та крутит головой.

— Ну хорошо! Цай Сяовэнь, ничему-то тебя жизнь не учит, пробралась-таки красть мастерство! Кхе-кхе... Как старшая сестра, я просто обязана тебя проучить! — Как и говорила Цай Сяовэнь, все мы мастера, кто кого не знает.

Когда Цай Сяовэнь уже собиралась спрыгнуть с дерева и дать деру, Су Ю вернулась, держа в руках маленький горшочек, и села обратно за круг. Цай Сяовэнь увидела, что та спокойна и даже не подняла головы, и почувствовала, как камень свалился с души: неужели она не заметила? Тот чих... звук, наверное, был не таким уж громким...

<http://bllate.org/book/18936/1855596>